



ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. И. Васильев

СИИРТЯ — ЛЕГЕНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Легенды

Каждому этнографу, которому когда-либо приходилось собирать ненецкий фольклор или даже просто знакомиться с ним, известен образ «сииртя» — человекоподобных существ, будто бы живущих под землей, чаще всего в сопках или в ямах, и выходящих на поверхность только по ночам.

Предания, рассказывающие о сииртя, многочисленны, разносюжетны и разностильны. Иные из них изобилуют фантастическими деталями и сюжетными линиями, другие, наоборот, отличаются сугубо реалистической канвой, хотя фантастический элемент в той или иной степени в них присутствует.

Вот один из таких рассказов, записанный мною в 1962 г. в низовьях Енисея от энца Ивана Ивановича Силкина.

«Давно-давно, когда наших людей здесь не было, тут жили сииртя — маленького роста люди. Которые в земле жили, которые чум травяной держали. Когда людей много стало, они насквозь в землю ушли.

По Енисею дальше, где Чайки-реки голова, есть высокая сопка, по-ненецки Сииртя-седа (седа — сопка. — В. В.). У этой сопки один человек чумом стоял, олени тут же у сопки ходили.

Вот он собрался ехать куда-то, а было это уже осенью. Темно.

Белых оленей решил запрягать. Первого оленя на маут (аркан) поймал. Что такое? На шее у него пятна, как уголь, черные. И у всех оленей так: на шее пять черных пятен, будто след пальцев.

— Ну, — он сказал, — Седа эта, видно, сииртя-седа. Это сииртя, наверное, моих оленей ловили.

С тех пор эту сопку всегда сииртя-седа зовут».

Надо сказать, что географические названия, в составе которых присутствует слово «сииртя», встречаются на всей территории современного расселения ненцев. Среди топонимов тундровой полосы Европейского Севера и Сибири, между полуостровом Канин Нос и рекой Енисей, обнаруживается немало речек с названиями Сииртя-яха (река Сииртя) и не менее двух десятков больших и малых Сииртя-седа и Сииртя-надо (яр Сииртя).

Но возвратимся опять к преданиям.

«Здесь, на той стороне Енисея, Кодола-сопка есть. Внизу (у подножия) — большое озеро.

Там близко один человек наш, старик, жил.

Вот как-то вечером он сильный шум слышит. Пошел туда. Видит, озера к сопке тропинка кем-то протоптана. Он капкан поставил.

На утро глядит: в капкан сииртя попал».

«Это не так давно было,— уверенно добавил рассказавший мне приведенную выше историю ненец Кирилл Данилович Ямкин.— Может, когда отца моего отец жил».

Ненцы рода Вэнонга (Вэнго), обитающие на северном побережье Ямала, говорили В. Н. Чернецову, что, когда их предки пришли в это место, они встретили там людей, которых называли сииртя. Из рассказов ненцев следовало, что сначала они воевали с сииртя. Один из предков Вэнонга, погибший в столкновении с сииртя, был похоронен на мысу Хаэн-сале, и могила его, по словам ненцев, цела до сих пор. Впоследствии отношения ненцев с сииртя стали миролюбивыми. По словам того же ненца из рода Вэнонга, его двоюродная бабка по отцовской линии даже была замужем за одним из последних сииртя¹.

Наконец, один из ненцев, живущих в низовьях Енисея, Борис Япту-нэ, молодой рыбак и охотник, на мой вопрос, слышал ли он о сииртя, ответил, что сииртя — «это такой белый, как извесь, человек. Как тень ходит. Вроде, на солнце смотреть не может, только на темноту. Кто сииртя (рассказчик произносил сихиртя.— В. В.) увидит, счастливый будет».

После этого сообщения, наполненного столь малореалистическими подробностями, Борис неожиданно добавил: «Отец мой, вроде бы, сихиртя видел».

Вряд ли можно с полным доверием относиться к этому рассказу. Скорее всего, в данном случае мой информатор несколько произвольно обошелся с хронологией. Однако как свидетельство «очевидца» эта история представляет несомненный интерес и заслуживает, на мой взгляд, того, чтобы ее здесь привести.

Подведем итоги. Анализ самодийских преданий, отдельные фрагменты из которых были приведены выше, свидетельствует о том, что сюжеты, связанные с сииртя, не просто порождены народной фантазией, но в той или иной степени отражают реальные события. По-видимому, в тундрах Европейского Севера и Западной Сибири, наряду с ненцами некогда обитали какие-то другие люди, иного чем самодийцы облика, обычаев и нрава.

Но содержание преданий — не единственный источник, позволяющий отождествлять сииртя с реально существовавшими в не столь отдаленные от нас времена (может быть, всего каких-нибудь 200—250 лет тому назад) аборигенами Северной Евразии.

Как это ни парадоксально, но оказывается, что некоторые литературные произведения XV—XVII вв., главным образом посвященные описанию путешествий и плаваний по Арктике, содержат сведения о каких-то непохожих на самодийцев людях, населявших еще в это время прибрежные районы Европейского Севера и Сибири.

Такого рода материалы, представляющие собою свидетельства очевидцев (что еще более повышает их ценность), можно обнаружить, например, в путевых записках английского шкипера Стифена Бэрроу, совершившего плавание вдоль северных берегов России в 1556 г., голландца Яна Гюйгенса ван-Линсхотена, комиссара нидерландской экспедиции, отправленной в 1594—1595 гг. для отыскания арктического морского пути в Индию и Китай, и других мореплавателей.

Но, бесспорно, наиболее интересные сведения по этому вопросу содержатся в книге французского врача де Ламартиньера, совершившего

¹ В. Н. Чернецов, Древняя приморская культура на полуострове Я-мал, «Современная этнография», 1935, № 4—5, стр. 125—126.

в середине XVII в. одно из самых удивительных путешествий по северу Европейской России. Описание этого путешествия не утратило научного значения вплоть до нашего времени.

Рассказ о человеке, которого напрасно посчитали лежцом

Пьер-Мартин де Ламартиньер написал книгу «Путешествие в северные страны». В этом произведении, изданном в 1671 г., дается описание путешествия, совершенного им в качестве судового врача на судне датской торговой компании, отправленном к северным берегам России для закупки мехов и изучения местных рынков.

В ходе этого путешествия де Ламартиньер совершил поездку на Печору, в Большеземельскую тундру и даже за Урал, посетив места, которые были дотоле не только совершенно неизвестны, но, за редким исключением, абсолютно недоступны для европейцев.

Среди сведений о северных народах, приводимых Ламартиньером, особый интерес для нас имеет рассказ о «борандайцах», обитателях острова Варандей (или, как его именовали на старых картах, Борандай) и прибрежных районов Большеземельской тундры. По описанию Ламартиньера, «борандайцы» были смуглы, низкорослы, носили одежду, сшитую из шкур белых медведей мехом наружу, и обувь из «древесной коры» (?). Они занимались охотой и рыбной ловлей и обитали в хижинах, которые были «сделаны очень тщательно из рыбьих костей (каркасов), покрыты также рыбьими костями, проконопачены мохом сверху и обложены вокруг дерном столь хорошо, что внутрь не может проникнуть никакой ветер иначе, как через двери, устроенные наподобие печного устья, и через крышу, в которой устроено окошко или отверстие, в которое проникает свет»².

Как не трудно убедиться, это описание совершенно не соответствует облику самодийцев, их одежды, жилищ и образу жизни. Тем более, что сам де Ламартиньер не ставил знака равенства между «борандайцами» и «самоедами» (ненцами), которых он также повидал во время своего путешествия.

Описывая другую группу увиденных им аборигенов — «новоземельцев», де Ламартиньер приводит чрезвычайно любопытные сведения об устройстве их лодки, имевшей форму гондолы и «сделанной искусно из рыбьих костей и кожи». «...Внутри такого челнока, — пишет далее де Ламартиньер, — они («новоземельцы». — В. В.) были укрыты по пояс, так что внутри лодки не могла попасть ни единая капля воды, и они могут таким образом выдерживать вполне безопасно всякую погоду»³.

Сочинение де Ламартиньера первоначально имело большой успех у читателей и за сравнительно короткое время (около 50 лет) выдержало более 15 изданий, в том числе на английском и немецком языках.

Но успех этот был непродолжительным. По мере роста популярности книги, росло и скептическое отношение к ней. Многие сведения, сообщаемые де Ламартиньером, включая и рассказ о «борандайцах» и «новоземельцах», стали расценивать как мифические, а то и просто вымышленные.

Его критикам было невдомек, что еще за 100 лет до путешествия де Ламартиньера «самоедскую» лодку, изготовленную из оленьих шкур, наблюдал упомянутый выше английский шкипер Стифен Бэрроу, а описание «самоедского» жилища, устроенного наподобие домов «борандайцев», с входом через крышу, дал в своем знаменитом труде «Описание

² П.-М. де Ламартиньер, Путешествие в северные страны, «Записки Московского археологического института», т. XV, М., 1912, стр. 53.

³ Там же, стр. 91.

путешествия в Московию...» такой видный ученый XVII в., как Адам Олеарий.

К путешествию де Ламартиньера прочно пристал эпитет «баснословное», а сам автор приобрел нелестную славу своего рода северного Мюнхаузена. Позднее о Ламартиньере и его путешествии и вовсе забыли.

Между тем сообщенные им сведения постепенно стали находить все новые и новые подтверждения. В конце XVII века известный русский ученый академик И. Лепехин, путешествуя по Европейскому Северу, собрал немало рассказов о древних жилищах «наподобие пещер с отверстиями, подобными дверям», которые, как он полагал, принадлежали некогда жившему здесь, но ныне исчезнувшему народу — чуди⁴. Рассказы о чудских жилищах, записанные со слов большеземельских ненцев, можно обнаружить и в работах других исследователей этого края — В. Н. Латкина, архимандрита Вениамина и др.

Но самые интересные сведения, безусловно, сумел собрать Александр Шренк. В 1837 г., во время путешествия по Большеземельской тундре, Шренку, известному естествоиспытателю и географу, удалось не только выявить большое количество новых материалов о «чудских» пещерах, но и установить, со слов ненцев, что они служили обиталищами некогда жившего здесь, но исчезнувшего ныне народа по имени сииртя. «...В прежние времена (когда страна эта еле-еле была известна), — писал Шренк, — она была обитаема совершенно другим племенем, нежели которые заселяют ее теперь. Племя это, равно и многие другие, говорящие не русским языком, известно у русских под общим названием чуди, т. е. чужого народа. Самоеды называют их Сирте и с уверенностью говорят, что они жили в этой стране до них, но что потом они ушли буд-то под землю»⁵.

В том же описании путешествия Шренк поместил и несколько записанных им со слов ненцев преданий о сииртя, сходных по содержанию с приведенными нами выше.

Материалы Шренка явились первыми сведениями о сииртя, нашедшими отражение в научной литературе XIX века. Первыми, но и одновременно последними. Промежуток в накоплении данных по этому вопросу длился вплоть до конца 1920-х годов, когда В. Н. Чернецов, в то время еще совсем молодой археолог, обнаружил на мысу Тиутей-сале на западном побережье полуострова Ямал и на мысу Хаэн-сале (тоже на Ямале, на берегу пролива Малыгина) несколько полуразрушенных землянок. Судя по археологическим находкам, их обитатели занимались морским зверобойным промыслом и охотой на дикого северного оленя.

Тогда же на Ямале В. Н. Чернецов записал несколько ненецких преданий, повествующих о сииртя, в числе которых особенно интересен рассказ о «трех земляных хозяевах», живущих на берегу моря и промысляющих морских животных. «Три брата, три земляных хозяина, три брата на трех мысах живут. Братья морского зверя, китов, моржей, тюленей промысляют...»⁶.

В этой связи следует сказать, что охота на морских животных никогда не являлась ведущей отраслью хозяйства самодийских народов. Больше того, если не считать авторов XVI—XVII вв. и одного-двух более поздних свидетельств, в этнографической литературе не встречается даже упоминания о бытовании этого вида промысла у какой-либо из групп самодийцев.

Поэтому вполне закономерно, что, на основании сопоставления материалов своих археологических раскопок, этнографических и фольклор-

⁴ И. Лепехин, Дневные записки путешествия, ч. IV, СПб, 1805, стр. 203.

⁵ А. Шренк, Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, СПб, 1855, стр. 326.

⁶ В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 126.

ных данных, В. Н. Чернецов посчитал обитателей этих землянок не ненцами, а населением, жившим на Ямале до прихода самодийцев, причем еще относительно недавно (поселение на мысу Хаэн сале датируется им XVI—XVII вв.). Развивая эту мысль далее, В. Н. Чернецов допускал, что воспоминания об этих аборигенах, облеченные в форму легенд, и могли сохраниться у ненцев в цикле преданий о полумифических живущих под землей людях — сииртя.

Одновременно был окончательно реабилитирован и де Ламартиньер⁷. Его сообщения о жилищах и образе жизни «борандайцев» и «новоземельцев» вполне согласовывались с данными о быте досамодийского населения Ямала, воссозданными по археологическим материалам.

Позднейшие археологические раскопки дали новые факты, подтверждающие гипотезу В. Н. Чернецова. Работами Г. А. Чернова, Л. П. Ладука и других исследователей было установлено широкое распространение культуры морских зверобоев и охотников на дикого северного оленя на всем протяжении прибрежной полосы Европейского Севера и Западной Сибири. Носители этой культуры, просуществовавшей на данной территории до конца первого, а кое-где, возможно, до середины второго тысячелетия н. э. и даже позже, уже в историческое время были частично истреблены, а в большинстве своем поглощены пришедшими с юга самодийцами.

Следы того, что в процессе освоения самодийцами Севера они поглощали, или, иначе говоря, ассимилировали какие-то группы аборигенного населения, обнаруживаются и в родовом составе ненцев, энцев и нганасан.

Так, в ряде самодийских преданий члены ненецкого рода Яптик рисуются как люди, не знакомые с оленеводством и не умеющие выпасать оленей. Вот одно из таких преданий под названием «Приключения Яптика», записанное Б. О. Долгих в 1948 г. от 69-летнего нганасана Монтуку Турдагина⁸.

Герой этого рассказа получает от сказочного человека сто оленей, но всех их съедает в течение одного года, рассуждая так: «Кто собирать их станет, кто караулить будет? Надо всех съесть. Оленей сильных как держать, я не знаю».

Интересно и начало предания: «Семь (братьев.— В. В.) Яптиков берег моря все время кормит. Ни в чем у них нужды нет, только оленей нет. Все время они на берегу моря живут, всякие промыслы промышляют..., промышляют диких (оленей.— В. В.), песца, рыбу каждый год».

В этой связи уместно вспомнить, что, по данным такого авторитетного знатока ямальских ненцев как Б. М. Житков, летние кочевья членов рода Яптик в начале нашего столетия располагались в северо-западной части полуострова. Именно на территории, принадлежащей Яптикам, на мысу Тнутей-сале В. Н. Чернецов раскопал землянки, обитатели которых, судя по характеру их промыслов, были не самодийцами, а аборигенами.

Если уж зашла речь о землянках, стоит привести еще одно место из того же предания, где сказочный человек обращается к одному из главных героев Большому Яптику с такими словами: «Оу! В яме (понимай, в землянке.— В. В.) живущий Яптик!».

⁷ Первый шаг в этом направлении был предпринят В. Семенковичем, опубликовавшим в 1912 г. русский перевод сочинения Ламартиньера и снабдившим его весьма квалифицированными примечаниями. Семенковичу, в частности, удалось установить, что многие действительно баснословные сведения, на основании которых впоследствии составилось столь нелестное мнение об авторе «Путешествия в северные страны», были включены в его книгу при позднейших переизданиях и отсутствуют в первоначальном варианте. Многие другие сообщения Ламартиньера, также считавшиеся вымышленными, как убедительно показал В. Семенкович, находят веское подтверждение в географических и этнографических материалах.

⁸ Полевые материалы Б. О. Долгих, 1948 г., Архив Института этнографии АН СССР.

Из этнографических материалов, которые могут быть привлечены для обоснования предположения об аборигенной принадлежности предков рода Яптик, следует указать на зафиксированный именно у членов данного рода обычай жертвоприношения собаки. Такой обычай, как справедливо отмечает В. Н. Чернецов, совершенно не характерен для оленеводов, «где обычно жертвенным животным является олень»⁹.

У тундровых энцев привлекает внимание род под названием Лодоседа, что в переводе на русский язык означает «без плеч». Под именем Тетасидин (искаженное Тыдаседа) этот род записан в одной из самых ранних по времени ясачных книг Мангазейского уезда, датируемой 1607 г., а позднее фигурирует в составе энцев на протяжении всего XVII века¹⁰.

Название Тыдаседа сами энцы переводят как «без рода» или «безродные» и считают его старым названием рода Лодоседа. В одном из энецких преданий, записанном Б. О. Долгих, сказано, например, следующее: «Тыдюседа (безродные) это раньше род Лодоседа такие были, они сперва Тыдюседа назывались»¹¹.

Это предание входит в цикл коротких, но довольно многочисленных энецких рассказов, повествующих о происхождении рода Лодоседа. Общим для таких преданий является то, что представители указанного рода постоянно совершают странные, необъяснимые, а порой просто граничащие с безумием поступки.

В чем же тут дело?

Анализируя этот цикл преданий, Б. О. Долгих предположил, что они отражают представления самодийцев о каких-то аборигенных предках рода Лодоседа, поведение и обычаи которых были, с точки зрения самодийцев, странными и дикими. И он, по-видимому, прав.

Достаточно сказать, что в одном из преданий, где фигурируют Лодоседа, предками этого рода называются охотники на дикого северного оленя Моррэда — традиционные персонажи энецкого фольклора, во многом напоминающие ненецких сииртя.

Родовые подразделения, связанные по происхождению с аборигенами, прослеживаются и в составе самого северного из самодийских народов — нганасан, обитателей центрального Таймыра.

Кто же такие сииртя?

Итак, кто же такие сииртя? Этнографические, археологические и фольклорные материалы, взятые в комплексе, позволяют утверждать, что, задолго до прихода самодийцев, Европейский Север и тундровая полоса Западной Сибири были освоены и заселены людьми. Вступив в контакты с самодийцами, местное аборигенное население приняло непосредственное участие в сложении современных ненцев, энцев и нганасан. Его несомненное влияние сказалось и на формировании так называемых «северных» или «полярных» элементов, их материальной культуры и быта.

Однако ряд вопросов, чрезвычайно важных для воссоздания цельной и реалистической картины этногенеза северосамодийских народов, все еще остается без ответа. И главным, несомненно, является вопрос о том, кем же являлись аборигены Европейского Севера и Западной Сибири по своей этнической принадлежности, на каком языке они говорили? Предлагаемые ответы пока что носят характер гипотез, хотя таких гипотез выдвинуто уже несколько.

⁹ В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 132.

¹⁰ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛО ААН), ф. 21, оп. 4. № 21.

¹¹ «Мифологические сказки и исторические предания энцев», Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих, ТИЭ АН СССР, новая серия, т. 66, М., 1961, стр. 223.

Первым, кто попытался ответить на этот вопрос, был видный советский лингвист и этнограф Г. Н. Прокофьев. В ряде работ, опубликованных в конце 1930-х годов, Г. Н. Прокофьев проводил точку зрения о том, что аборигенное население, принявшее участие в сложении северосамодийских народностей, по своей языковой принадлежности было палеоазиатско-эскимосским, иначе говоря, близким к чукчам, корякам и эскимосам, населяющим крайний северо-восток азиатского материка.

Гипотеза Г. Н. Прокофьева имела двоякий резонанс у этнографов и лингвистов, занимающихся вопросами этногенеза сибирских народов. В той части ее, которая касалась самодийско-эскимосских связей, Г. Н. Прокофьев был, безусловно, прав. Факт существования древних языковых контактов между самодийцами и эскимосами был открыт еще в XVIII в. датским миссионером, долгое время жившим среди эскимосов Гренландии, Расмусом Раском. Позднее, уже в 1924 г. вышла работа французского лингвиста А. Саважо, где этот вопрос был рассмотрен чрезвычайно обстоятельно, а общий вывод подтверждал точку зрения Раска.

Что же касается версии Г. Н. Прокофьева о возможном палеоазиатском пласте, вошедшем в состав северосамодийских народов, то у большинства исследователей этого вопроса она поддержки не получила.

Следующий шаг на пути установления этнического лица аборигенов Европейского Севера и Западной Сибири был связан с открытием шведским лингвистом Б. Коллиндером и венгерским языковедом К. Боуда близости юкагирского языка (до этого считавшегося палеоазиатским) языкам уральской (финно-угро-самодийской) языковой семьи.

Основываясь на работах этих исследователей, известный советский этнограф-сибиревед Б. О. Долгих предположил, что этнический аборигенный субстрат, вошедший в состав нганасан, по своей языковой принадлежности мог быть юкагирским.

Иную точку зрения проводит в своей работе, посвященной этнической истории Печерского края, Л. П. Лашук. По его мнению, аборигенов Европейского Севера и Западной Сибири следует считать пралопарями, которые сформировались в результате смещения продвинувшихся в эти районы с востока палеоазиатских племен с местными уральскими и палеоевропейскими племенами.

Наиболее обоснованная точка зрения по этому вопросу принадлежит В. Н. Чернецову. Как он полагает, в эпоху неолита (IV—III тысячелетия до н. э.) аборигенное население Северной Сибири было этнически единым. Только позднее, по мере расселения по северу Евразийского материка, произошло его разделение на западную (пралопарскую) и восточную (праюкагирскую) ветви, каждая из которых в дальнейшем развивалась самостоятельно.

Гипотеза В. Н. Чернецова позволяет разрешить несколько любопытных этнографических загадок, которые доселе не находили удовлетворительного объяснения. Действительно, если принять точку зрения В. Н. Чернецова о том, что аборигенный субстрат на всей территории Евразийского Севера был единым по языку и культуре, становится понятным, почему «борандайские» жилища, описанные Ламартиньером, по своему устройству совершенно идентичны полуземлянкам ительменов — аборигенов Камчатки. Не вызывает более удивления и поразительное конструктивное сходство чукотско-эскимосских каюков с «новоземельским» челноком («гондолой»), сообщение о котором мы находим у того же Ламартиньера, или же своеобразной нартой-лодкой, некогда существовавшей, по данным Ю. Б. Симченко, у нганасан.

Число таких сопоставлений можно было бы увеличить, причем все они не только объясняются на основе гипотезы В. Н. Чернецова, но одновременно и подтверждают ее. И тем не менее, на сегодняшний день пока это только гипотеза.

Ее дальнейшая углубленная разработка затруднена слабой археологической изученностью Арктики и Субарктики, где описанные и описанные культурные памятники являются не более чем островками безбрежном океане неизведанного. Немаловажное значение для установления этнической природы аборигенного субстрата Северной Евразии может дать и детальное сравнительно-этнографическое изучение предметов материальной культуры и быта арктических народов.

Но ведущее слово в решении этой проблемы, безусловно, принадлежит лингвистам. Только сравнительно-лингвистическое исследование основного словарного фонда (особенно терминов, отражающих арктический быт, природу и животный мир) и грамматического строя северомодийских, лопарского, юкагирского языков с привлечением аналогичных материалов из палеоазиатских и эскимосско-алеутских языков позволит дать ответ на вопрос, вынесенный в подзаголовок этого раздела: прочесть одну из интереснейших страниц этнической истории самодийских народов нашего Севера.

* * *

Легенды, как и сказки, создаются людьми. Они могут быть сходны по сюжету, но всегда различны по жанру. В сказке порой трудно выявить простое реалистическое зерно, за мифической дымкой легенд часто бывают скрыты конкретные исторические события.

Таковы и легенды о сииртя. Персонажи фольклора оживают, мифические существа приобретают реальный образ и облик.

И мы уже знаем, что скрывают в себе эти легенды.

В них память о людях, которые были пионерами освоения суровых пространств тайги и тундры, о людях, заслуживших право называться первыми землепроходцами Арктики.
